

ИРИНА ВЕПРЕВА

Уральский федеральный университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО УРАЛЬСКИЙ¹

Axiological potential of adjective Russ. *ural'skiy*

Ключевые слова: относительное прилагательное, качественно-оценочное значение, контекстное употребление, аксиосемантика, аксиологическая константа

KEYWORDS: relative adjective, qualitative-evaluative meaning, context based word use, axiological semantics, axiological constant

ABSTRACT: The article presents the specifics of the contextual use of the relative adjective *Ural* in qualitative meaning on the material of federal and regional newspapers published in the Sverdlovsk region. The axiological potential of the toponymic adjective is determined by the essential attributes of space as the fundamental reality of human existence. The analyzed material has shown that the augment of qualitatively-evaluative connotations of the relative adjective occurs due to the guidance of the value meanings by the context represented as the set of the typical compatibility of the word, due to the reflexive discussion of everything connected with the Ural region. At the same time, the axial “small homeland” is the nuclear component of the axiosphere “Ural”, verbally expressed by our lexemes *our*, *native*, *nearest*. In addition, the expression of qualitative characteristics of the adjective *Ural* is associated with a mental predetermined evaluation of abstract concepts. Set expressions (for example, the *Ural character*) functioning in the speech, the explication of the gradation of the relative adjective in the speech help to actualize the value conceptions about the Urals and their inhabitants formed in the consciousness of the native speaker.

1. Постановка вопроса

Топоним *Урал*, введенный в XVIII веке в научный оборот В. Н. Татищевым, именуется географический регион, находящийся на границе Европы и Азии. Урал стал крупнейшей горнорудной и металлургической базой российского государства. В ряду апеллятивной лексики топонимического происхождения

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02. А 03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02. А 03.21.0006. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18.

относительное прилагательное *уральский* формально мотивируется именем собственным *Урал*, семантически также и названием жителей Урала: *Урал* и *уральцы* → *уральский*. В процессе функционирования прилагательное *уральский*, сочетаясь с широким кругом лексем, значение которых существенно для выявления содержания категории уральского в массовом сознании, позволяет описать лексическую семантику лексемы *уральский* 'относящийся к Уралу, его территории; а также к уральцам; такой, как у уральцев, как на Урале'.

2. Теоретическая база исследования

Аксиологическая лингвистика, конкретизируя мысль Ю. С. Степанова о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка» (Степанов 1974, 15), пытается доказать, что человек при этом вполне свободно оперирует оценочным потенциалом разнообразных единиц языковой системы. Тезис об аксиологичности человеческого сознания на сегодняшний день является общепринятым. Лингвистика вслед за философией понятие «ценность» соотносит с категорией оценки, которая определяется как «мысленная или словесная фиксация» (Анисимов 2001, 16) субъект-объектного отношения к предмету. Оценочное отношение носителя языка к описываемой знаком действительности входит в прагматическую информацию о слове, которая рассматривается как субъективно-модальное приращение к объективному значению слова (см.: Арутюнова 1988; Апресян 1995; Вольф 2002; Кобозева 2000; Складаревская 2001; Телия 1996 и др.). Одним из важнейших средств выражения оценочной семантики является имя прилагательное, которому онтологически присуща признаковость (отношение, в том числе ценностное) как основа качества. По мнению В. В. Виноградова, «качественность ищется в формах о т н о ш е н и й между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию» (Виноградов 1947, 183). Мысль о развитии качественной семантики как одной из особенностей функционирования всего фонда имен прилагательных сквозной темой проходит в лингвистических работах, см., например: «Даже и в относительных прилагательных [...] вскрывается оттенок качественности, а оттенок отношения оказывается вторичным» (Пешковский 1956, 82); «Основное относительное значение легко обрастает побегими качественных значений» (Виноградов 1947, 222); «Выражение новых качественных значений осуществляется в наше время не средствами аффиксации, но развитием качественных значений у относительных прилагательных» (Земская 1996, 126). Качественное значение, возникающее у относительного прилагательного, – это реализация постоянной коммуникативной потребности

языковой личности оценить предмет. Необходимость системного изучения оценочной функции прилагательного обусловила появление данной работы.

3. Гипотеза исследования

Оттопонимические адъективы относятся к классу тех относительных прилагательных, формально-семантическая характеристика которых проста и стандартна. Однотипность данного класса слов является убедительным основанием для лексикографов не приводить развернутого описания адъективов в толковых словарях. Достаточным является отсылка к производящему слову. Тем не менее наблюдения над оттопонимическими прилагательными (см.: Генералова 2016; Кириченко 2003; Крюкова 2000) позволяют утверждать, что лексические значения лексем не сводятся к компоненту 'относящийся к тому...', а, напротив, проявляют тенденцию к развитию качественной семантики. Цель предпринятого исследования – выявить аксиологический потенциал оттопонимической производной единицы, проследить специфику контекстного употребления относительного прилагательного *уральский* в складывающемся во времени качественном значении.

Материалом для лингвоаксиологического анализа послужили региональные и муниципальные газетные издания (2011–2017 гг.), выходящие в городах, расположенных на территории Свердловской области (Арамил, Нижний Тагил, Первоуральск, Ревда, Сысерть). Методом сплошной выборки обработано около 700 оцифрованных выпусков газет уральской провинции. Получено свыше 9000 контекстов. Кроме того, источником выборки материала послужила база данных Интегрум (Integrum.ru), включающая 3570 изданий российских СМИ.

Оговорим некоторые особенности паспортизации материала. Датировка источников приводится для развернутых высказываний, вербализованных аксиологических установок и суждений. В тексте статьи не паспортизируются извлеченные из федеральных, региональных и муниципальных газет высказывания, содержащие типовые словосочетания.

Тезисно сформулируем гипотезу исследования: идея отношения, которая передается материальной формой прилагательного, обогащается ценностными смыслами, связанными, с одной стороны, с денотативной отнесенностью топонима, с другой стороны, с семантикой определяемых существительных. При употреблении в речи лексема *уральский* получает контекстно наведенную оценку (см.: Стернин 1985, 118–120), при этом у относительного прилагательного формируется качественно-оценочное значение, на основе которого реализуются ментально значимые смыслы.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Оттопонимические прилагательные являются производными от имен собственных. Судьба образований от онимов такова, что они функционально предрасположены отражать существенную культурную информацию о производящем имени собственном (Суперанская 1973). Развитие качественной семантики адъектонима опирается на когнитивные ресурсы ума и обусловлено энциклопедическими знаниями и мнениями носителя языка о культурной значимости производящего топонима, закрепленными в коллективном сознании (см. об этом: Павилёнис 1983, 166). Объектом оценочности становятся «разного рода отличия, то, что 'не похоже', что выделяет» (Крысин 2005, 451) данный объект среди других.

Рассмотрим последовательно семантические участки значения прилагательного *уральский* с учетом специфики производной природы оттопонимического образования: 1) относящийся к Уралу, его территории; 2) относящийся к жителям Урала; 3) такой, как у уральцев, как на Урале.

1-е значение: относящийся к Уралу, его территории

Развитие качественной семантики обусловлено спецификой топонима, который выполняет ориентирующую, индивидуализирующую функцию в пространстве. Аксиологический потенциал оттопонимического прилагательного в этом случае кроется в коллективном опыте «оперирования с пространством», который формирует ценностные представления о должном, правильном, «социально желанном» (Kluckhohn 1962, 289). «В силу базовости самого пространства как основополагающей реальности бытия человека» (Фурс/Черемисин 2016, 29) топонимы, номинирующие актуальные участки географического пространства, естественно входят в аксиосферу. «Человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить. Этот – экзистенциальный по существу – аспект отношений человека к месту его жизни» (Абашев 2000, 5).

Региональная и муниципальная пресса – материал наших наблюдений – обладает одной общей особенностью – географичностью стиля, и поэтому может служить источником данных об аксиологическом потенциале топонимов и оттопонимических производных. В материалах «малой прессы» регулярным аксиологическим приращением является социоцентрическая идея гражданской общности, предполагающая «совершение действия для общего блага» (Бартминьский 2015, 364). Эту аксиологически значимую информацию для целевого адресата (жителей городов и поселков Среднего Урала) передают оттопонимические прилагательные *арамильский*, *билимбаевский*,

салдинский, тагильский, ревдинский, сысертский, первоуральский и др. При этом общерегиональной константой во всех случаях употребления является лексема *уральский*. Например: *На Ревдинском кирпичном заводе внедрена уникальная для уральского региона технология: из контрольной трубы дым не идет вообще* (Городские вести, 20.01.2010). Сочетание *уральский регион* фиксирует территорию, объединённую по географическому принципу, все ревдинское одновременно осознается как уральское.

Географическое пространство Среднего Урала имеет свой центр (Екатеринбург – город областного значения) и периферию (населенные пункты Свердловской области). Оппозиция «центр – периферия» и, соответственно, «большое – малое» реализуется регулярно. Ср.: *уральская* (далее – у.) *столица* и у. *глубинка*, у. *посёлок*, у. *деревня*, у. *село*. Например: *Уральские сёла – тёзки с ягодным названием Калиновка. Они расположены в Байкаловском, Красноуфимском, Талицком районах* (Областная газета, 17.10.2015). При этом «освоенное, пригодное для жизни, заселенное пространство» (Березович, 2014, 115) прилегающих к Екатеринбургу городов в картине мира жителей этих городов предстаёт как малая родина: *Екатеринбург, Арамил, Берёзовский – это уральские, но разные по размеру города. Для кого-то они являются малой Родиной* (Областная газета, 16.02.2016). Уральское неизменно мыслится как «наше», «родное», «близкое»: *традиции родного у. края; наш у. край; родная у. земля; дары родной у. земли; наш у. регион, наши у. просторы*.

Словообразовательная связь лексемы «родной» в значении «свой по рождению, по духу, по привычкам» (Толковый словарь русского языка 2008, 836) с существительным «родина» в контекстном сочетании *родная уральская земля* позволяет выявить аксиологическое наполнение предметов «ближнего круга» для человека, живущего на Урале, – родная земля, родной дом, родной край (см. о концептообразующем начале константы «родная земля»: Степанов 2001, 171–181; Телия 2001).

В определенных случаях своего употребления лексема *уральский* приобретает не только эмоционально-оценочные, но и эстетические приращения, наведённые семантикой сильных контекстных партнеров: *В уральском регионе очень красивая природа, заповедники, исторические места. [...] Места здесь привольные: сосновые и берёзовые перелески, зарастающие травой по пояс, маленькие речки под ногами струятся... Красота, словом, самая настоящая – уральская* (Арамилские вести, 25.09.2013). Имплицитно формируется суждение: настоящая уральская красота – это *простор, приволье* (см.: Левонтина/Шмелев 2005, 65–75). Региональное представление о прекрасном соответствует общерусскому: *Отличия Урала от России – это оттенки русского цвета, а не другой цвет* (А. Иванов, Новая газета, 4.08.2008).

На фоне единства уральского с общерусским выстраивается аксиологическая константа личности, значимости Урала для России. Лексема *уральский*

приобретает ассоциативно связанный с уральским географическим пространством смысл: «обладающий природным богатством». Концепт «богатство» в сознании уральцев естественно связан с полезными ископаемыми. *Щедрая уральская земля* традиционно ассоциируется с «кладовой родины» и «малахитовой шкатулкой»: *У. золото – весомый вклад в золотой запас России, в кладовую родины; «Малахитовая шкатулка» не опустела; В недрах Среднего Урала добывают драгоценные камни.* Типовые сочетания: *у. алмазы, у. изумруды, у. рубины, у. сапфиры, уникальные у. александриты, природный у. жемчуг.* Уральские драгоценные камни характеризуются как «не имеющие аналогов», «востребованные» на внутреннем и на мировом рынке.

Образ уральского пространства в коллективном сознании жителей Свердловской области неразрывно связан с представлением о жизненной необходимости действующих заводов: *Урал живет, пока живут заводы.* Ключевое слово *завод* привычно употребляется в названиях промышленных предприятий независимо от места их расположения в сочетании с прилагательным *уральский*: *Уральский турбинный завод, Уральский оптико-механический завод, Уральский завод прецизионных сплавов, Уральский дизель-моторный завод, Уральский завод деталей трубопроводов, Уральский завод автофургонов* и др. Множественное число прилагательного употребляется в сочетаниях, содержащих разную степень обобщения: *наши у. заводы, наши у. металлургические заводы.* Косвенным показателем развития качественной семантики словосочетания *уральский завод* является образование от прилагательного абстрактного существительного с суффиксом *-ость*: *Нижний Тагил и Каменск-Уральский воплощают в себе воспетую на все лады типично уральскую структуру экономики: металлургия плюс серьезное машиностроение. В нынешнем Екатеринбурге такой уральскостью и не пахнет* (Уральский рабочий, 18.01.2006).

Смысл синтагмы *наше уральское* соотносится не только с промышленностью. Об этом свидетельствуют сочетания *у. наука, у. литература, у. журналистика, у. прикладное искусство, у. лаковая живопись по металлу, у. роспись, у. народные промыслы, у. рок, у. краеведение* и др. Во всех случаях уральское трактуется как «самобытное», «своеобразное», «сложившееся на Урале», «получившее развитие на Урале», «характерное для Урала».

2-е значение: относящийся к жителям Урала

Активно реализуются в речи сочетания прилагательного *уральский* с существительными лица в форме множественного числа (на основе этих сочетаний формируется концепт «наши люди»): *у. металлурги, у. сталевары, у. инженеры, у. конструкторы, у. изобретатели, у. рационализаторы, у. интеллектуалы, у. ученые, у. математики, у. археологи, у. врачи, у. писатели, у. художники,*

у. артисты, у. педагоги, у. тренеры, у. спортсмены, у. фигуристы, у. садоводы, у. овощеводы, у. школьники, у. студенты, у. ветераны и др. Преимущественно во множественном числе употребляются существительные с семей лица, обозначающие региональную специфику профессии: *у. рудокопы, у. углежоги, у. камнерезы, у. оружейники*.

Социоцентрическая направленность ценностных предпочтений подтверждается развитием идеи общественной пользы коллективного труда и коллективного разума: *От труда у. рудокопов всегда зависело и качество, и количество выплавляемого на металлургических заводах металла; На Иннопроме у. ученые впервые представляют радиопринтер; У. археологи нашли кости мамонта на Дальнем Востоке; У. врачи провели уникальную операцию; У. фигуристки – чемпионки мира по синхронному катанию*.

Социоцентризм гармонически сочетается с персонализмом. Последнее подтверждает философские обобщения о феномене русскости: «В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности» (Бердяев 1997, 279). Концепт «наш человек» синтезирует смыслы «общее уральское» и «незаурядное, индивидуальное». В текстах газет освещаются, например, личные достижения в прошлом и настоящем: *50 лет назад (в 1956 году) у. математик Валентин Иванов был удостоен Ленинской премии за вклад в разработку теории некорректных задач; У. инженер-исследователь Дмитрий Мальцев получил премию за достижения в области науки и инноваций Scopus Award*. Для персонализма по-уральски характерно отсутствие прагматической сверхзадачи. Азартное стремление реализовать свой талант «для интереса» позволяет сделать нечто невозможное. Ср.: *90-летний у. металлург Николай Мезенин издал справочник «Династия Демидовых» – это его 18-я книга о знаменитом роде; У. умелец Сергей Александров на спор собрал в гараже вездеход на гусеничном ходу; У. умелец Фаниль Киранов мастерит точные копии архитектурных шедевров величиной в человеческий рост из спичек и крошечные модели мотоциклов из старых наручных часов*.

3-е значение: такой, как у уральцев, как на Урале

Качественное значение у относительного прилагательного *уральский* наиболее ярко проявляется в сочетаниях атрибутивного слова с лексемами абстрактной семантики, обобщающими основные особенности проявления уральского, например: *у. стиль, у. ментальность, у. культура, у. школа, у. погода, у. ландшафт, у. красота / красоты, у. традиции, у. хватка, у. патриотизм* и др.

Качественно-оценочные аспекты семантики относительного прилагательного продемонстрируем на примере анализа устойчивого сочетания *уральский характер*, отсылающего к описанию совокупности свойств человека, живущего на Урале. Созданию обобщенного образа способствует

стереотипное представление о человеке из провинции. Прецедентной стала фраза из старого советского фильма *Да она что, с Урала?* Высказывание закрепило за уральцами признаки простоты, провинциальности, несовременности, отсутствия светского лоска. Этот качественно-оценочный аспект словосочетания *уральский характер* находит отражение в газетном материале в виде рефлексивного осмысления данного понятия, например: *Мы безошибочно узнаём своих земляков, где бы их ни повстречали: по особому уральскому характеру, по душевности и простоте, по взаимовыручке и равнодушию к судьбе Екатеринбурга, Урала и всей страны* (Вечерний Екатеринбург, 14.08.2009); *Старинные часы, пишущая машинка, проигрыватель для пластинок – все говорит о постоянстве уральского характера* (Комсомольская правда, 16.06.2011); *А в провинциальном уральском характере все-таки есть сердечность, отзывчивость* (Аргументы и факты, 22.04.1998).

В то же время контекстные употребления словосочетания *уральский характер* позволяют выявить особые черты человека с уральским характером, например: *Она решила описать знаменитый уральский характер. «Мы, уральцы, как тагильские танки, идем напролом, добиваемся своей цели», – заявила она* (Коммерсантъ, 05.07.2013); *Возможно, в этих работах – квинт-эссенция мужественного, без лишних сантиментов уральского характера: не пожалеть жизни, чтобы добиться вершины мастерства* (Удмуртская правда, 14.08.2009).

Считается, что традиционно уральцу свойственны *упорство, настойчивость, основательность, трудолюбие, упрямство, справедливость, душевность*, например: *Сегодня можно говорить о существовании уникального уральского характера. В его основе очень ответственное отношение предшествующих поколений заводских рабочих к труду, хотя и тяжелому, изнуряющему, а также воля, независимость, человеческое достоинство* (Уральский рабочий, 09.08.2003).

Словосочетание *уральский характер* получает следующие контекстные характеристики: *крепкий, напористый, целеустремленный, прямолинейный, непростой, сильный, гордый, преданный, неистребимый, суровый, мужественный, независимый, терпеливый, стойкий, твердый, как камень, крепче крещенских морозов и др.*

Эксплицированная возможность проявления качественности оттопони-мического прилагательного зафиксирована в сочетаемости лексемы *уральский* с показателями превосходной степени, а также со шкалярными наречиями *совершенно, типично* и др. Например: *Город стоит как сверхуральская и мощная держава; самая уральская профессия – взрывники; самый уральский – Данила-мастер; Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. П. Бажов – самые уральские писатели; капуста – самая уральская овощная культура; мамонт – самое*

уральское животное; пельмени – самое уральское блюдо; рябина, боярышник, калина – самые уральские ягоды; совершенно уральским было поведение хитников, всегда полагавших добычу самоцветов своим природным правом и уж никак не воровством; типично уральские заводские трубы; типично уральский пейзаж и др.

5. Заключение

Функционируя в газетном дискурсе, относительное прилагательное *уральский* реализует аксиологический потенциал семантики, который позволяет лексической единице выступать в роли вербально выраженной концептуальной единицы аксиосферы, выражающей общие модусные установки и оценки, которые поддерживаются синтагматически. Сочетаемость прилагательного *уральский* в границах высказываний характеризуется регулярными денотативными, эмоционально-оценочными, эстетическими приращениями, в совокупности отражающими наполнение матрицы уральской культуры.

Ядерным компонентом аксиосферы «уральский» является аксиологическая константа «малая родина», которая выражает идею единения, вербально выраженную лексемами *наше, родное, близкое*. Частные характеризующие признаки аксиосферы: признак щедрости, богатства, который обобщенно может быть представлен аксиологическим суждением «Урал – кладовая родины»; признак сохранения и развития промышленного производства – источника жизнедеятельности.

Развитие качественных характеристик у относительного прилагательного *уральский* связано с атрибутивной характеристикой абстрактных понятий. Функционирование в речи устойчивого сочетания *уральский характер* помогает актуализировать представление об уральском характере в сознании носителя языка. Контекстные партнеры выявляют такие значимые аспекты содержания анализируемого концепта, как твердость, настойчивость, прямолинейность, стойкость, суровость, основательность, трудолюбие, суровая нежность.

Библиография

- Абашев, В. В. (2000), Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь. Анисимов, С. Ф. (2001), Введение в аксиологию: Учебное пособие для изучающих философию. Москва.
- Апресян, Ю. Д. (1995), Избранные труды Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.
- Арутюнова, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.

- БАРТМИНСКИЙ, Е. (2015), Солидарность: между понятием и идеей? В: Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. Москва, 363–379.
- БЕРДЯЕВ, Н. А. (1997), Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2014), Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1947), Русский язык: Грамматическое учение о слове. Москва/Ленинград.
- ВОЛЬФ, Е. М. (2002), Функциональная семантика оценки. Москва.
- ГЕНЕРАЛОВА, Е. В. (2016), О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский»). В: Сибирский филологический журнал. 3, 157–171.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1996), Глава III. Активные процессы современного словопроизводства. В: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 90–141.
- КИРИЧЕНКО, О. К. (2003), Развитие качественной семантики у прилагательных петербургский, питерский, ленинградский (к характеристике концепта «Петербург» в обыденном сознании). В: Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. VI, 104–109.
- КОБОЗЕВА, И. М. (2000), Лингвистическая семантика. Москва.
- КРЫСИН, Л. П. (2005), Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы. В: Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 450–455.
- КРЮКОВА, С. В. (2000), Структурно-семантическая характеристика прилагательных, образованных от названий населенных пунктов. Белгород.
- ЛЕВОНТИНА, И. Б., ШМЕЛЕВ, А. Д. (2005), Родные просторы. В: Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва, 64–75.
- ПАВИЛЕНИС, Р. И. (1983), Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. Москва.
- ПЕШКОВСКИЙ, А. М. (1956), Русский синтаксис в научном освещении. Москва.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (2001), Слово в меняющемся мире. В: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы (Исследования по славянским языкам). Корейская ассоциация славистов. Сеул, 177–202.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1974), Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. В: Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва, 9–16.
- СТЕРНИН, И. А. (1985), Лексическое значение слова в речи. Воронеж.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (1973), Общая теория имени собственного. Москва.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (2001), Концептообразующая флукутация константы «родная земля» в наименовании родина. В: Язык и культуры: факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. Москва, 409–418.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996), Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва.
- ФУРС, Л. А./ЧЕРЕМИСИН, А. Н. (2016), Интерпретация знаний о пространстве как проявление антропоцентризма в языке. В: Вопросы когнитивной лингвистики. 2/47, 29–38.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (2008), Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва.
- KLUCKHOHN, C. (1962), Culture and Behavior: Collected Essays. New York.